

Весна в Санкт-Петербурге похожа на мягкую европейскую зиму: снег уже сошел, на газонах вроде бы трава, но воздух почти не прогревается, солнце — все еще редкое явление, а с неба без конца капает, а то и откровенно льет дождь.

Если не жить в этом городе постоянно, трудно себе представить, что в нем случаются и погожие дни, и лишь аборигены, хладнокровно таскающие в сумках зонты в любой сезон, умеют радоваться коротким периодам действительно хорошей погоды, которые нет-нет да и сваливаются на Северную столицу.

Но в этот день, думала Алла, осторожно ступая в редкие места между лужами, стараясь не намочить обувь, несложно вообще позабыть о том, что на дворе, между прочим, апрель!

— Доброе утро, Алла Гурьевна! — услышала она неоправданно радостный голос, без сомнения принадлежавший Анне Яковлевне Сурдиной.

Доносился он из-за насыпи, за которой, судя по описанию Антона Шеина, располагалось место преступления.

— Зря вас не предупредили, что лучше надеть резиновые сапоги!

«Это точно!» — сквозь зубы процедила Алла, взбираясь на насыпь.

И как это судмедэксперт ее углядела? Ведь сама она ее не заметила, пока не оказалась наверху.

— Я услышала ваши шаги, — ответила Сурдина на ее невысказанный вопрос. — Знала, что вы должны подъехать, и потом, вы так громко шлепали по лужам, что...

Она осеклась и покраснела — удивительно, но некоторые люди сохраняют эту милую особенность до конца жизни, хотя у большинства способность заливаться краской с годами проходит.

Алла предпочла сделать вид, что ничего не заметила, но ее задело слова эксперта.

Ей начинало казаться, что диета и физические нагрузки дают результаты. Весы радовали почти что каждую неделю, диетолог Добрая одобрительно кивала при встречах и говорила, что желаемый результат похудения не за горами, Алла начала влезать в модную одежду...

А для людей комплекции Сурдиной, выходит, она по-прежнему оставалась женщиной-горой, слонихой, бегемотихой?!

Судмедэксперт тихо кашлянула и неловко дотронулась до ее руки.

— Алла Гурьевна, вы уж меня простите за бестактность! — проговорила она. — Я ничего такого не имела в виду, просто ваша обувь...

— Да ладно, мы же обе в курсе, что дело вовсе не в обуви! — махнула рукой Алла. — Очевидно, мне никогда не стать легкой, как пушинка... ну, как вы, Анна Яковлевна!

— Так это же хорошо, Алла Гурьевна!

— В смысле?

— Вы хотя бы представляете себе, каково иметь вес сорок четыре кило?

Разумеется, Алла не могла такого представить.

— Каково, когда в общественном транспорте тебя бесцеремонно хлопают по плечу и обращаются: «Эй, мальчик»? — продолжала между тем Сурдина. — Это притом что мне уже, пардон, шестой десяток! Или

когда лифт отказывается ехать, потому что не «чувствует» человека внутри себя и упрямо стоит в ожидании пассажира с «нормальным» весом?! Когда обувь приходится заказывать за границей или покупать в детских магазинах... Ах, Алла Гурьевна, вы — счастливая женщина, хотела бы я быть на двадцать кило тяжелее и сантиметров на десять повыше!

Алла никогда не смотрела на эту проблему с точки зрения Сурдиной, а та, оказывается, тоже недовольна собственной внешностью? Ну да, судмедэксперт, мягко говоря, не красавица, но как же Алле хотелось выглядеть такой же хрупкой и изящной!

Она воспрянула духом и по-деловому поинтересовалась:

— Ну, так где наш труп?

— Так вон он, под елочкой! — махнула рукой Сурдина. — Пошли, только осторожненько, Алла Гурьевна, тут почва глинистая, мокрая, в любой момент обвалиться может!

Небольшое озерцо, в котором обнаружили тело девушки, располагалось сразу за насыпью. Алла увидела копошившихся возле трупa людей.

Она обладала стопроцентным зрением, а потому сразу же углядела капитана Шеина, старшего оперативника опергруппы, с которой работала Алла. Он стоял чуть в сторонке и жевал губами незажженную сигарету.

Алла знала, что капитан пытается бросить курить, но никак не может избавиться от привычки держать что-то во рту. Доброжелатели предлагали ему разнообразные решения проблемы — от спички и леденца до новомодных электронных сигарет.

Шеин злился, говоря, что ему не нужен суррогат, чтобы тренировать силу воли, и уверял всех, что непременно справится с собой, дайте только время.

— А, Алла Гурьевна! — коротко бросил он вместо приветствия. — Паршивая погода!

— Да уж, не самый лучший день, чтобы умереть! — проговорил проходящий мимо помощник Сурдиной, немолодой и многоопытный Илья Шульц.

Он до такой степени походил на свою начальницу и размером, и внешностью, что Алла приняла бы его за родного брата судмедэксперта, не зная она, что у той нет родственников, кроме сыновей.

— Ну, положим, умерла она не сегодня, — строго нахмурившись, поправила помощника Сурдина.

— А когда? — тут же задала вопрос Алла, хоть и знала, как не любит судмедэксперт строить предположения до вскрытия.

— Ну, навскидку дня два-три, — ответила та, жуя нижнюю губу. — Судя по состоянию тела. Но точно сказать не могу, ведь тело пролежало в холодной воде, а температура воздуха в последнюю неделю менялась слишком часто.

— Ну а причина смерти? — не унималась Алла. — Утопление, видимо?

— Если то, что «видимо», то да, — кивнула Сурдина. — Ладно, не будем гадать: забираем девочку, Илюша!

По этой команде коллеги судмедэксперта, отеснив оперативников, принялись упаковывать тело в пластиковый мешок (ее собратья не слишком заботились об эстетике, просто прикрывая носилки простынкой).

Алле нравилось, как работает Сурдина, нравились, как вымуштрованы ее подчиненные, как беспрекословно они исполняют ее указания — вот бы обладать такой же способностью вызывать уважение!

Сурдина умудрялась, не повышая голоса, одним движением брови или уголка рта, дать понять, что ее что-то не устраивает, и подчиненные мгновенно считывали информацию с лица шефа и исправлялись.

Нет, у Аллы никогда так не получится: она чересчур эмоциональна! И так, кто же эта неизвестная?

— Антон, при девочке что-нибудь нашли? — поинтересовалась она у Шеина.

— Ничегошеньки, Алла Гурьевна! Сейчас обыскивают все близлежащие кусты — вдруг что обнаружится. Похоже, придется водолазов вызвать!

— Придется — вызовем, — пробормотала Алла, глядя вслед удаляющимся спинам Сурдиной и ее коллег, несущих свой печальный груз на носилках. — Начните с установления личности, — добавила она, вновь поворачиваясь к оперу. — А еще, пусть мы пока и не знаем точно времени смерти, попробуйте поискать свидетелей, которые были поблизости пять или шесть дней назад и могли что-то видеть, хорошо?

— Будет сделано, Алла Гурьевна! Только вот я не пойму что-то, зачем мы здесь?

— В смысле?

— Работников Следственного комитета обычно не вызывают на самоубийства и несчастные случаи, так?

Алла подавила вздох: рано или поздно вопрос должен был возникнуть, но ей до смерти не хотелось объяснять что-то своим людям, пока она сама во всем не разберется.

Похоже, Антон прочел это нежелание на ее лице, поэтому тихо хмыкнул и, сунув руки в карманы джинсов, стал подниматься на насыпь.

Алла до сих пор не понимала, как ее команда относится к ней.

Формально начальником группы оперативников являлся Антон Шеин, но Алла была, если можно так выразиться, мозгом команды, посылающим распоряжения рукам и ногам, то есть Антону, Дамиру Ахметову и Александру Белкину, самому младшему члену следственной группы Аллы.

Ей иногда казалось, что мужчины относятся к ней снисходительно. Они знали обо всех ее слабостях, включая попытки похудеть, и даже о неудачном гражданском браке с человеком, который предпочел семи годам совместной жизни выгодный брак с женщиной, чей отец сумел обеспечить ему блестящую карьеру.

А что Алла знала о своих коллегах?

Ну, положим, о Белкине и знать-то особо нечего: парень слишком молод, чтобы в его биографии имелись хоть какие-то интересные факты. Алла знала, что у Александра есть старшая сестра, которая, как и его родители, живет в Выборге. Здесь парень снимал квартиру вместе с приятелем — вот, собственно, и вся информация. Девушки у него не было, поэтому большую часть свободного времени он проводил с многократно разведенным Антоном Шеиным.

Антон временно находился «в свободном полете», но Алла предполагала, что это ненадолго: старший опер слишком привлекателен, чтобы особи противоположного пола позволили ему долго оставаться бесхозным.

А вот Дамир Ахметов оставался для Аллы загадкой. Спокойный и уравновешенный, он никогда не выходил из себя и к любовным приключениям коллег относился с юмором, но без издевки. Она в курсе, что он женат, что у него есть дети, но ни разу не видела членов его семьи — даже на праздниках, которые устраивало начальство: если Шеин каждый раз являлся с новой пассией, то Ахметов всегда приходил один. Он что, стесняется своей жены? Или, наоборот, боится, что на нее будут устремлены взгляды других мужчин?

Может, дело в том, что Дамир мусульманин? Он не выпячивал данный факт, но Алла знала, что коллега посещает мечеть, хоть и не соблюдает всех обычаев ислама в полной мере.

Вот, собственно, и все — негусто, если разобратся! С другой стороны, это не мешает группе успешно раскрывать преступления, а значит, информации вполне хватает для плодотворной работы, а это — самое главное, в конце концов!

На голову упали первые капли дождя — ну вот, опять начинается!

Алла раскрыла зонтик и, укрывшись под его сенью, поспешила в ту сторону, куда только что удалились Сурдина и Антон.

* * *

Мономах собирался в столовую: следующая операция только через полтора часа — полно времени, чтобы пообедать.

Он уже закрывал дверь в кабинет, когда в кармане требовательно затрезвонил телефон.

Поборов искушение проигнорировать звонок, он вытащил его и увидел на экране номер Нелидовой, и.о. главврача больницы и по совместительству своей любовницы.

Звонок в середине дня не сулил ничего хорошего.

— Володя, тебя срочно требуют нейрохирурги! — без предисловий сообщила Анна.

— На консультацию? — спросил он, мысленно попрощавшись с приятным видением комплексного обеда.

— На операцию.

— Но у меня...

— Мейроян может оперировать вместо тебя — я посмотрела расписание, он свободен!

— А почему он не может вместо меня пойти к нейрохирургам?

— Потому что Суламифь хочет тебя, и не мне тебе объяснять, что Суламифь всегда получает желаемое!

Суламифи Моисеевне Кац действительно было трудно противостоять. Она работала в больнице без малого сорок лет и являлась одной из менее чем десятка женщин-нейрохирургов в Санкт-Петербурге. Когда она начинала, то была единственной!

Мономах знал, что ей в прошлом году исполнилось шестьдесят пять — юбилей отмечали с размахом.

В этом возрасте большинство хирургов переходят в консультанты, однако к Кац это не относится: кажется, время над ней не властно. Внешне она выглядит на свой возраст, да и красавицей никогда не слыла, а вот рука ее — главный инструмент любого представителя этой профессии — остается все такой же точной, а глаз — все таким же верным.

Характер Суламифи сложно описать словами: половина больницы ее обожает, в то время как вторая открыто ненавидит, и это о многом говорит. Средний медицинский персонал трясется, стоит Кац появиться в коридоре — и это притом что она уже пять лет как не завотделением!

Мономах понятия не имел, когда и как попал в любимчики к Суламифь, но она предпочитала работать именно с ним.

Честно признаться, и ему нравилась ее компания, хотя грубоватый, щедро приправленный матерком, но чертовски меткий юмор Кац мог сбить с ног самого стойкого мужика. Но почему именно сейчас он ей так понадобился?

— По скорой паренек поступил, — предвидя его вопрос, пояснила Нелидова. — Множественные переломы и черепно-мозговая. Ты же знаешь, как Суламифь к молодежи относится?

Кац старалась делать все, чтобы поставить на ноги молодых пациентов.

Она говорила так: «У стариков есть дети, они им и “утку” поднесут, и стакан водицы, а вот молодым

помочь некому, надо работать, семью строить, так? Ну а как они все это сделают, если раньше времени в инвалидном кресле окажутся?!»

И ведь не поспоришь! Поэтому Мономах не стал даже пытаться и только спросил:

— В какую операционную?

* * *

— Итак, что нам известно о покойной? — спросила Алла, входя в кабинет судмедэксперта.

Она не любила посещать морг и старалась, по возможности, этого избегать, посылая вместо себя оперов.

По правде сказать, когда телом занималась Сурдина, Алла привыкла полностью полагаться на ее суждения: в конце концов, она уже видела труп и вряд ли сумеет интерпретировать результат вскрытия самостоятельно, даже если проглядит все глаза, пялясь на него!

В кабинете Алла чувствовала себя гораздо уютнее.

Сурдина любила порядок: об этом говорила стерильная чистота маленькой, но достаточно вместительной комнаты, в которой она была полноправной хозяйкой. В книжном шкафу из ослепительно-белого пластика выстроились аккуратные ряды медицинской литературы, документы не лежали валом на столе, а покоились в пластиковых и металлических органайзерах. Единственным предметом, отражающим характер владелицы, был дорогой письменный прибор из оникса. Каким бы отличным специалистом ни являлась Сурдина, она не могла себе позволить приобрести такую дорогостоящую, стильную вещь. Скорее всего, это подарок, вот только от кого?

С юных лет Алла развлекалась одной игрой, в которую играла сама с собой или с партнером, столь

же наблюдательным, как и она сама, и умеющим делать выводы и строить умозаключения, имея на руках минимальный набор сведений. Она выбирала объект, казавшийся ей интересным, и пыталась «вычислить», что он из себя представляет — род занятий, семейное положение, сферу увлечений и так далее.

С Сурдиной этот метод не срабатывал, хотя Алла несколько раз пыталась применить свои навыки к судмедэксперту: она оставалась для нее загадкой.

Алла знала лишь то, что Сурдина не замужем и имеет двух взрослых сыновей, но вряд ли кто-то из них обладает настолько хорошим вкусом и высоким доходом, чтобы подарить матери письменный прибор — скорее всего, это либо подарок коллег на какой-то юбилей, либо у Сурдиной, несмотря на всю ее внешнюю непривлекательность, имеется тайная личная жизнь, о которой мало кому известно!

Судмедэксперт предложила гостье присесть и практически не глядя вытащила из органайзера пластиковую папку с отчетом.

— Я еще мало что успела сделать, но все равно собиралась вам звонить, — сказала она, сдвигая очки на кончик тонкого носа с нервными, как у породистой лошади, ноздрями.

Лицо у Сурдиной и впрямь было лошадиным, длинное, с тяжелым «габсбургским» подбородком — такие лица часто встречаются среди членов европейских королевских семейств на полотнах великих мастеров. Хотя, пожалуй, именно этот нос и был самой привлекательной чертой судмедэксперта, да еще необыкновенная подвижность лица, говорящая о том, что его обладательница либо склонна к лицедейству, либо является искренним и прямым человеком.

— Раз вы собирались звонить, значит, это убийство? — предположила Алла.

— Да, — подтвердила Сурдина. — Воды в легких нет, значит, жертва не захлебнулась.

— От чего же она умерла?

— Пройдемте со мной!

Они вошли в прозекторскую, расположенную прямо за стенкой. Посреди нее стоял железный стол с желобами для отвода жидкостей, на котором под тонкой одноразовой простынкой лежал труп утопленницы.

— Поглядите-ка сюда, — эксперт откинула простыню.

Алла почувствовала, как слюна вдруг стала вязкой: зрелище было не из приятных. Вид покойника, конечно, и так нечасто доставляет удовольствие, однако с утопленниками такое случается еще реже: распухшие лица, землистые кожные покровы — бр-р-р! Алле постоянно приходилось напоминать себе, что до того, как оказаться на прозекторском столе, эти тела принадлежали людям, которые дышали, любили, жили какой-то своей жизнью, которая внезапно и несправедливо оборвалась.

Вот и сейчас, сделав глубокий вдох ртом, Алла сказала себе, что перед ней — молоденькая девушка, почти девочка, и кто-то обязательно сейчас ищет ее, теряясь в догадках и самых ужасных предположениях. Которые, к несчастью, оправданны.

Сурдина между тем указала длинным, тонким, словно птичий коготок, пальцем на шею, а вернее на серовато-синее пятно, охватывающее ее.

— На обычную странгуляционную борозду не похоже! — отметила Алла.

— Верно. При осмотре мы учитываем такие факторы, как ширина странгуляционной борозды, ее глубина и рельеф. Так вот, ширина, как вы можете видеть, слишком велика для петли, глубина, напротив, мала, а рельеф, как вы понимаете, обычно зависит от материала, из которого эта самая пет-

ля сделана. Чем уже петля, к примеру провод или веревка, — тем глубже она вдавливается. Мягкие и широкие петли, скажем от полотенца или шарфа, образуют широкие бледные борозды. В редких случаях широкие и мягкие петли при слабом, медленном давлении могут и вовсе не оставлять следов, если, допустим, подложить под них вату или платок. Тело слишком много времени провело в воде, отчего картина выглядит смазанной, и все же...

— Использовался какой-то особый материал?

— Можно и так сказать, — кивнула Сурдина. — Вашу девочку задушили руками. У нее сломан щитовидный хрящ. Тот, кто сделал это, был в плотных перчатках — скорее всего, кожаных.

— Вот как! Насколько сильным должен был быть убийца?

— Трудно сказать. Жертва хрупкого телосложения, кроме того, если она не сопротивлялась, — а она не сопротивлялась, так как других повреждений на теле обнаружить не удалось...

— Вы предполагаете, ее чем-то опоили?

— Только предполагаю, вы правильно выразились: по прошествии такого длительного времени в воде узнать наверняка не представляется возможным. Тем не менее я отправила ткани на анализ в лабораторию, но это займет какое-то время.

— Чужеродный эпителий под ногтями имеется?

— Вы помните, что ее из озера достали, да? Если и были следы, их смыло, да и ногти у нашей девочки подстрижены под корень.

— При ней что-нибудь обнаружили?

— Ни телефона, ни паспорта, ни записной книжки. Похоже, придется вам поработать!

— Ладно, не впервой...

— Да, есть еще одна странность: я обнаружила у жертвы два посмертных перелома — ключицы и локтевого сустава на правой руке.

- Посмертных?
- Они могли возникнуть при перемещении тела или... Ну, не знаю, как еще.
- Спасибо, это может оказаться очень важным!
- Девушка молодая, наверняка ее ищут — родители, муж, жених? — предположила Сурдина.
- Скорее всего, вы правы: мы уже начали проверять заявления о пропавших, — кивнула Алла.
- Так жалко, когда погибают молодые! Жить бы ей да жить, Алла Гурьевна, но кто-то, по-видимому, решил иначе! Ну скажите, кому могла помешать такая девчонка? Ей ведь не больше двадцати — двадцати трех!

Алла не нашлась что сказать, но вопрос, скорее всего, был риторическим: судмедэксперт вряд ли ожидала, что следователь даст ей вразумительный ответ.

— Есть ли что-то еще, Анна Яковлевна? — спросила Алла. — Что-то, что помогло бы нам в установлении личности жертвы?

— Вы имеете в виду, с медицинской точки зрения? Да нет... В целом она была здорова. Ну, есть некоторый недостаток веса, но в ее возрасте это случается — девчонки морят себя голодом, не думая о последствиях: как детей вынашивать, как рожать, кормить! Зубы в неплохом состоянии, имплантов нет... В общем, не знаю, что добавить, честное слово!

На некоторое время в кабинете повисла тягучая тишина.

— У меня вопрос, Алла Гурьевна, — нарушила молчание Сурдина.

— Да, конечно, спрашивайте!

— Почему именно вас отправили на место обнаружения тела — это как-то связано с тем, что рядом расположен поселок «небожителей»?

— Похоже на то, — вздохнула Алла.

— Так я и знала! — хлопнула себя крохотными ладошками по тощим бедрам судмедэксперт. — Нашли бы девочку в обычном, «некрутом» районе, расследовали бы дело местные, а тут — целого старшего следователя из Следственного комитета сдернули, и это притом что причина смерти могла оказаться не криминальной!

— Все правильно, Анна Яковлевна, — честно ответила Алла. — И у меня приказ: по возможности все делать по-тихому, не беспокоя «уважаемых людей»!

— Не завидую я вам!

— Я сама себе не завидую, но такова специфика работы: нас зовут, когда либо дело слишком сложное и грозит стать резонансным, либо «наверху» боятся тронуть высокопоставленных людей.

— Я тут в интернете покопалась на досуге, — задумчиво проговорила Сурдина. — Выяснила, что в Сосновой Горке живут два члена Союза писателей, режиссер игрового кино, три генерала, МВД и армейских, джазовая певица, актриса кино и сериалов... Короче, куда ни копни, нарвешься на знаменитость или «шишку»!

— Придется аккуратно поспрашивать, не пропали ли люди из поселка: вдруг окажется, что наша жертва чья-то дочь, племянница или внучка?

— Согласна, — склонила голову Сурдина. — Не думаю, что мне удастся узнать больше того, о чем я вам рассказала, но, если вдруг что-то всплывет, я тут же вам сообщу!

* * *

— Отличная работа, Владимир Всеволодович! — похвалила Кац, когда они оба оказались в ее кабинете после операции: она пообещала возместить Мономаху пропущенный обед, напоив его чаем и накормив печеньем собственной выпечки.

Он не смог устоять: пожилая нейрохирург владела секретом заваривания чая, которым отказывалась делиться с коллегами, но с удовольствием их угощала.

Мономах не относился к поклонникам травяного варева, предпочитая черный чай без добавок, но и он признавал, что Кац делает потрясающий напиток, вкус которого запоминается надолго.

Несмотря на то что она уже давно не занимает должность зав отделением нейрохирургии, нейрохирург является гордой обладательницей собственного кабинета — маленькой комнатушки без окон, смежной с бельевой. Хоть и не отличающийся большими размерами, кабинетик полностью отражает личность Кац. Он заполнен фотографиями пациентов и родственников, коих у нее великое множество, всевозможными безделушками, вязаными салфеточками и вазочками. Он напоминает жилую комнату, а не рабочее помещение, но Суламифи Моисеевне Кац дозволено то, чего не может себе позволить ни один другой работник больницы.

— Великолепная работа! — повторила она, включая электрический чайник (тоже, между прочим, в нарушение всех правил техники безопасности). — Теперь паренек сможет ходить не хромая!

— Ну, это пока бабушка надвое сказала, — заметил Мономах. — Когда он еще пойдет...

— Это да, это да, — закивала нейрохирург. — Но его состояние — это по нашей части: знаете, никогда ведь нельзя с точностью предсказать, как поведет себя мозги! Но по крайней мере, со стороны опорно-двигательного аппарата больших проблем благодаря вам не предвидится!

Мономах машинально кивнул, как замороженный следя за руками Кац.

Ее руки, несмотря на возраст, не тронутые пигментными пятнами, были прекрасны. Тонкие запя-

стья, длинные пальцы с коротко подстриженными ногтями красивой формы здорового натурально розового цвета — и никакого лакового покрытия.

Несмотря на то что правила гигиены для медработников не менялись, медсестры и врачи, даже оперирующие, стали позволять себе длинные ногти и маникюр с гель-лаком.

Мономах строго-настрога запретил своему среднему медперсоналу такую роскошь, чем поначалу вызвал массу недовольства, ведь девчонкам хотелось быть красивыми, даже нося белый халат (который, кстати, не обязательно должен быть белым, и против разноцветия медицинской одежды Мономах не возражал). Более того, он запретил сестрам ношение каблуков, «пересадив» их в туфли на плоской подошве и мотивируя свое решение тем, что на каблуках невозможно быстро передвигаться по коридорам. Кроме того, будучи ортопедом-травматологом, он отлично понимал, как сильно устает женская ножка, заточенная в узкую «лодочку», да еще и приподнятая над землей на восемь, а то и все двенадцать сантиметров. И про позвоночник забывать не стоит, ведь при таком перекосе тела он страдает больше всего!

— Была б его воля, он бы нас на ролики поставил! — мрачно цедила Татьяна Лагутина, самая вредная сестра в отделении. — Как в американском «Макдоналдсе»!

Игнорируя ворчание медсестричек, Мономах лишь посмеивался, приговаривая:

— Ничего, лет через двадцать скажете мне спасибо за то, что не стали пациентками нашего же отделения!

Для Суламифи Кац таких вопросов не стояло: она уже более сорока лет носила белоснежные, накрахмаленные до морозного хруста халаты, туфли без каблука и коротко подстриженные ногти, считая это

нормальным и справедливым для человека, избравшего в качестве профессии медицину. В движениях нейрохирурга определенно крылась какая-то магия.

Вытащив из шкафчика большую деревянную коробку, она извлекла из нее холщовый мешочек, перевязанный бечевкой.

Размотав ее, высыпала в прозрачный стеклянный заварочный чайник все содержимое и сложила пустой мешочек обратно в коробку. Вода закипела, и Кац залила ею заварку.

Постепенно тесное помещение стал наполнять аромат трав и ягод, определить которые по отдельности Мономах ни за что бы не смог, но все вместе они создавали неповторимый букет.

Разлив чай по тонкостенным фарфоровым чашкам, которые нейрохирург хранила все в том же бездонном шкафчике, она поставила одну перед Мономахом и застыла в ожидании.

— Чудесно! — пробормотал он, пригубив горячий напиток. — Полагаю, просить рецепт так же бесполезно, как и в предыдущие разы?

— Вот что я вам скажу, Владимир Всеволодович, — проговорила Кац, присаживаясь напротив и обхватывая бока своей чашки ладонями. — Когда вы женитесь, я, так уж и быть, подарю вашей жене секрет моего чая!

— Когда я — что? Суламифь Моисеевна, я ведь уже был женат!

— Ну и что, люди постоянно наступают на одни и те же грабли! Уверяю вас, и вы не избежите этой участи: я просто диву даюсь, как это вас до сих пор никто не захомотал! Да, если вам, конечно, интересно мое мнение, Нелидова — не вариант.

— Что вы сказали? — оторопел Мономах.

— Бросьте, все знают! — отмахнулась нейрохирург. — Шашни в больнице — обычное дело, тем более что вы оба люди холостые и никому ничего

не должны! Но я искренне надеюсь, что вы не рассматриваете нашу начальницу в качестве будущей супруги: она вам категорически не подходит!

Мономах никому не позволил бы разговаривать с собой в таком тоне — да никто бы и не посмел этого сделать, но Суламифь Кац — другое дело, поэтому он ничего не сказал и молча уткнулся в свою чашку.

Нейрохирург не отличалась щепетильностью и резала правду-матку в глаза, ничуть не смущаясь и не думая о том, что кого-то эта ее черта могла покоробить и даже оскорбить. Ее оправдывало то, что если уж она кого-то любила, то точно желала добра — в своей особой манере. И такие люди, зная ее, не обижались.

— Приходил человек из ГИБДД, — сказала Кац, неожиданно переводя разговор на другую тему.

— Зачем?

— Ну, парнишка же в аварию попал, помните?

— А-а... И что?

— Да ничего: он в реанимации, в сознание не приходил, так что поговорить с ним не представляется возможным. Не нравится мне это дело, ох не нравится! Гибэдэдэшник сказал, что личность паренька установить не удалось, так как при нем не оказалось документов.

— А свидетели?

— Так нету свидетелей-то, его где-то за городом нашли!

— Получается, кто-то сбил его и уехал?

— Вот ублюдок, да? Бедный парнишка, его родственники даже не в курсе, что с ним произошло! Бегают, наверное, мечутся, не знают что и делать!

— Ну, полиция разберется, — проговорил Мономах, помимо воли начиная размышлять о том, как они сумеют это сделать, если жертва аварии в ближайшее время не придет в себя.

— Еще чашечку? — заботливо предложила нейрохирург.

Мономах не отказался.

* * *

Дачный поселок Сосновая Горка и в самом деле располагался на возвышенности, поросшей соснами, — не просто так он получил свое название.

Здесь было красиво, несмотря на время года: очевидно, местные коммунальные службы работали не покладая рук! Повсюду росли деревья с аккуратно подстриженными кронами — наверняка летом они выглядят потрясающе, как и выложенные плиткой дорожки, огромные клумбы, посреди которых сейчас стояли голые розовые кусты, и в теплый сезон вокруг них наверняка высаживают садовые цветы типа маргариток и разноцветных анютиных глазок.

Однако сами дома разглядеть было непросто, так как их скрывали высокие заборы — виднелись только крыши или в лучшем случае верхние этажи, если здание оказывалось достаточно высоким. Впрочем, скромных строений здесь вовсе не наблюдалось!

Алла и ее группа поделили дома между собой и начали обходить их с двух противоположных концов поселка.

Посетив три резиденции, Алла сумела поговорить лишь с одним хозяином — вернее хозяйкой.

Ею оказалась мать известной актрисы сериалов Ольги Шуйской, приятная дама лет семидесяти с небольшим.

В остальных домах находилась только прислуга и охрана, которые в отсутствие хозяев разговаривать отказались.

— Надо же, какое несчастье! — качая головой, приговаривала Тамара Васильевна, наливая Алле кофе из красивого блестящего кофейника. — А вы

уверены, душенька, что бедняжка именно из нашего поселка?

Старомодное и такое милое обращение «душенька» расположило Аллу к хозяйке еще больше, хотя она сразу произвела на нее приятное впечатление.

Интересно, откуда у матери звезды великосветские манеры?

Конечно, Алла лично не знакома с Шуйской, но на экране она играет роковых красоток с весьма ограниченным лексиконом.

— Не уверена, Тамара Васильевна, — ответила Алла. — Но, согласитесь, вряд ли сюда забрел человек со стороны, ведь добраться к вам можно только на частном автотранспорте, я правильно понимаю?

— Правильно. Правда, есть маршрутка, она ходит каждый час, но от нее еще идти минут двадцать пять... Боже правый, это же надо — у нас, в таком тихом, защищенном месте! Вот так живешь-живешь, считаешь, что твой дом — твоя крепость, и вдруг... Так чем я могу вам помочь?

— Мы с сотрудниками ходим по домам в надежде, что кто-то опознает девушку.

— А фотография есть?

— Да, но, видите ли, тело долго пробыло в воде, поэтому...

— Да-да, понимаю! Так как же вы надеетесь выяснить личность убитой, если нет ни документов, ни даже прижизненного снимка?

— Есть посмертный портрет, сделанный нашим художником. Вот, взгляните!

Шуйская долго вглядывалась в рисунок, сделанный углем, потом покачала головой и сказала:

— Боюсь, ничем не помогу: никогда ее не видела. Такая молоденькая девочка!

— Скажите, не слышали ли вы, что у кого-то из соседей случилось несчастье, пропала дочь, племянница или гостя?

Пожилая женщина поразмыслила пару минут, потом вновь покачала ухоженной седой головой.

— Алла Гурьевна, мы здесь живем изолированно — это только кажется, что жители поселка должны общаться между собой! Ну сами подумайте, что общего может быть у нашей семьи со, скажем, соседом справа, форвардом «Зенита»? Да он едва-едва пару слов способен связать! Или вот, допустим, через два дома живет какой-то генерал. Я даже имени его не знаю, но он еще строится, и я вижу, как каждые выходные к нему пригоняют солдатиков для «черновых» работ — о чем нам разговаривать? Люди приезжают и уезжают на машинах, поэтому я могу сказать, что вот этот «Мерседес» я уже видела на нашей улице, а вот ту «Тойоту» — нет. Что же касается людей...

— Я поняла, Тамара Васильевна, — прервала Алла хозяйку дома. — Вы хотите сказать, что ни с кем из поселка близко не сошлись.

— Нет, я вовсе не это хочу сказать! — возразила та. — Я лишь указываю на тот факт, что у меня достаточно узкий круг общения, а дочь и вовсе старается не контактировать с местным населением, ей и так хватает публичности! Когда Оленька приезжает домой, она хочет двух вещей — покоя и тишины. А вот мне порой приходится встречаться с соседями. Например, с дирижером Аветисяном. У Роберта Арамовича во втором браке двое близнецов, но они еще маленькие, даже в школу не ходят. У него есть дочь от первой жены, но они не общаются уже лет пятнадцать, поэтому я вряд ли могу предположить, что она приехала бы к отцу ни с того ни с сего!

— Жертве не больше двадцати, — вставила Алла.

— Тогда это точно не она: дочери Аветисяна должно быть под тридцать!

— Можете еще кого-нибудь назвать, с кем у вас близкие отношения?

— Ну... есть еще Анна Даниловна, мама заместителя прокурора города. У ее сына Валентина взрослый сын, дочерей или племянниц, насколько мне известно, нет. Вот, собственно, и все! Только знаете, что мне сейчас пришло в голову — почему вы зациклились на жителях поселка? Мне кажется, следует поговорить с прислугой, ведь среди нее полно молодых людей, и девушки тоже есть!

— Мы не исключаем и такой вариант, — согласилась Алла. — А у вас, Тамара Васильевна, есть служащие?

— Из постоянных — только домработница, Люся ее зовут. Ей пятьдесят два года, и она работает у нас уже лет семь.

— У нее есть дети?

— Люся одинока, но мы относимся к ней как к члену семьи. Еще садовник, он у нас общий на шесть домов, Иваныч, но ему за шестьдесят, а дети живут в Кингисеппе и никогда сюда не ездят.

— А прислугу других соседей...

— Нет, что вы, конечно же, я никого не знаю! Но это не значит, что нет смысла поспрашивать — жаль только, что я не сумела вам помочь.

Пожилая дама выглядела искренне огорченной, и Алла поспешила ее утешить:

— Знаете, — сказала она, — нам редко приходится рассчитывать на немедленный результат! В любом случае, спасибо, что согласились поговорить: вы очень четко обрисовали отношения между соседями, поэтому теперь я буду знать, о чем спрашивать стоит, а о чем — нет смысла.

Несмотря на отрицательный результат беседы, милая хозяйка настояла на том, чтобы Алла допила кофе.

Провожая ее, она сказала:

— Я все-таки надеюсь, что эта девочка не из наших. Поймите меня правильно: в любом случае то, что с ней произошло, ужасно, но знать, что у кого-

то из соседей случилось такое несчастье, невыносимо! Не представляю, как бы я такое пережила... Да нет, не пережила бы, даже и говорить нечего!

* * *

Антон Шеин взял с собой Белкина, решив, что пареньку полезно лишний раз «потоптать землю», ведь большую часть времени тот вынужден проводить в кабинете, наедине с компьютером.

Действительно, Шурик лучше всех в группе владеет современными технологиями. Есть спецы технического отдела, но у них всегда полно работы и есть дела, которые находятся у начальства в приоритете, а значит, ждать результатов приходится слишком долго — легче задействовать «своего» человека, который справится с заданием не хуже. Но сам Белкин сильно страдал из-за того, что ему редко приходится «выходить в свет», поэтому он старался пользоваться любой возможностью это сделать.

Шеин привык к богатым домам, и они давно не производили на него того впечатления, как в молодые годы.

Зато Белкин, которому за всю жизнь удалось побывать дай бог в парочке дорогих резиденций, по-прежнему с восторгом воспринимал каждый такой визит и во все глаза пялился на окружающую обстановку.

Вот и в доме балерины Ульяны Орловой парню было на что поглядеть: картины в тяжелых рамах, изображающие главным образом Орлову в различных ролях, инкрустированная драгметаллами мебель из ценных пород дерева, богато украшенные зеркала от пола до потолка.

Но самым, на взгляд молодого опера, замечательным предметом интерьера являлась лестница на второй этаж. Из красного дерева, массивная,

с обвивающими перила искусно вырезанными виноградными лозами, она прямо-таки вопила о том, что в этом доме проживают люди, для которых деньги не имеют значения.

В дом оперов впустила горничная в серой униформе — неприметный цвет, казалось, должен был подчеркивать богатство обстановки.

В ожидании прихода хозяйки они присели на длинный бежевый диван напротив французского окна, выходящего в сад с аккуратно подстриженными кустами и деревьями, в данное время года еще голыми.

— Неужели балеринам так много платят? — едва слышно спросил Белкин у старшего товарища, при этом голова его, казалось, вращалась по меньшей мере на двести семьдесят градусов, как у совы.

— Эх ты, балда, ты что, не знаешь, кто у этой балерины муж?

— И кто у нас муж?

— Георгий Саблин!

— Тот самый «телевизионный» адвокат?

— Он.

— Ну, тогда понятно...

В этот момент в просторную гостиную вошла женщина, невысокая и очень тоненькая. Ее невероятную стройность еще больше подчеркивал широкий кожаный пояс, надетый поверх шерстяной туники. Платиновая блондинка с модной короткой стрижкой и едва заметным макияжем пастельных тонов.

Антон понятия не имел, хорошая ли она балерина, но женщиной Ульяна Орлова была определенно шикарной!

— Я слышала, что случилось, — без обиняков начала хозяйка дома. — Такой кошмар невозможно скрыть: весь поселок гудит о найденном в нашем озере трупе девушки, мы в шоке!

— По причине того, что тело провело в воде несколько дней, мы не можем показать вам фотографию жертвы, — сказал Шеин, — однако наш художник попытался воссоздать образ жертвы при жизни. Взгляните, пожалуйста, не сочтите за труд.

Орлова взяла в руки фотокопию портрета и несколько секунд внимательно вглядывалась в изображенное на ней лицо. Потом она покачала головой и вернула портрет оперативнику.

— Нет, извините, никогда ее не видела — во всяком случае, в наших местах. У меня неплохая память на лица, знаете ли!

В гостиную неслышно просочилась невысокая женщина в униформе — как поняли визитеры, горничная, причем не та, которая открывала дверь. В руках она держала щетку для смахивания пыли.

— Не сейчас, Гуля, — слегка раздраженно проговорила хозяйка дома. — Займись пока кухней, там Варвара что-то липкое на полу разлила!

Горничная удалилась, лишь молча кивнув.

— Скажите, Ульяна Ильинична, — продолжил Шеин, — вы знали бы, если бы у кого-то из ваших соседей пропала дочь, внучка или племянница?

— Так вы думаете... вы правда считаете, что эта девочка — из наших?!

— Мы не исключаем такой расклад, — осторожно ответил Шеин. — Пока не опросим всех жителей поселка, невозможно сказать наверняка. Мне повторить вопрос?

— Нет, я отлично помню... Знаете, наверное, мы бы не знали, пропади кто-то из людей, живущих по соседству. Вернее, все зависит от того, о ком речь.

— Поясните?

— Ну, мы общаемся с ограниченным кругом людей, видите ли. На самом деле мы переехали в поселок недавно, а раньше жили в центре Санкт-Петербурга. Соответственно, все наши близкие

друзья и знакомые остались там. Они приезжают в гости, но здесь мы близко связаны только с одной семьей, Аветисянами.

— С семьей дирижера Аветисяна? — уточнил Антон.

— Да, мы давно знакомы. Собственно, это он «сосватал» нам с мужем Сосновую Горку, и мы ни разу не пожалели о переезде.

— А может, покойная работала у кого-то из ваших соседей? — впервые подал голос Белкин, улучив паузу в разговоре. — Или приезжала в гости?

— Все возможно! — развела руками балерина.

Этот жест вышел у нее невероятно артистично — как на сцене, когда танцовщики выходят на поклон. Шурика никогда не тянуло к женщинам постарше, но и он готов был признать, что Орлова великолепна.

— Среди наших работников никто не пропадал, слава богу, — добавила она. — У нас их четверо, и все на месте!

— А их дети?

— Думаю, я бы узнала, если бы у них случилась беда, ведь служащие не боятся делиться с нами своими проблемами. Насчет соседей, извините, ничего сказать не могу: как я уже сказала, мы почти ни с кем не состоим в приятельских отношениях, а уж их работников и подавно не знаем!

— Что ж, мы в любом случае должны были задать все эти вопросы, — подытожил Антон, поднимаясь и делая знак Белкину последовать его примеру. — На всякий случай вот моя карточка: если что-то узнаете или услышите...

— Да-да, конечно, — кивнула балерина, принимая белый четырехугольник из его рук.

Выйдя за ворота, которые закрыл за ними пожилой узбек, Шеин остановился и оглядел оставшийся «фронт работ».

На небе снова стали собираться тяжелые тучи, да и смеркалось уже, а обойти оставалось еще домов семь-восемь.

— Слушай, давай-ка разделимся? — предложил он своему молодому спутнику. — Ты пойдешь по правой стороне, а я — по левой.

— Лады, — согласился Александр. — Встретимся на въезде в поселок, у шлагбаума!

— Ну, ты звони, если что, — на всякий случай добавил Шеин и зашагал к следующему зданию, почти целиком скрытому высоченным забором.

Проводив его взглядом, Белкин двинулся в противоположном направлении.

Идти от дома до дома было довольно далеко — они стояли на почтительном расстоянии друг от друга, словно бы говоря, что их хозяева оберегают свою частную жизнь и не склонны к общению с кем попало.

Не дойдя до ворот нескольких метров, он вдруг услышал негромкий окрик:

— Мальчик!

Не может быть, чтобы обращались к нему, ведь он — взрослый мужчина!

— Мальчик! — раздалось снова за его спиной.

Притормозив, Белкин обернулся.

На дорожке, ведущей к дому, стояла та самая горничная, которую он видел в доме балерины. Только сейчас на ней не было передника, а поверх униформы она накинула куртку.

— Вы же из полиции, так? — решила уточнить работница Орловой.

— Из Следственного комитета, — сказал он. — А вы... Гуля, да?

Женщина кивнула.

— Вы что-то хотели мне рассказать? — снова спросил Белкин, видя, что ее необходимо подтолкнуть.

— Типа того... Можно мне еще разок посмотреть на рисунок? Ну, девушки, которую...

Александр вытащил из-за пазухи портрет и протянул горничной.

Та бросила на него беглый взгляд и выдохнула:

— Да, это она!

— Так вы ее знаете?!

— А вы не скажете хозяйке? Если она узнает, меня тут же выгонят, а место хорошее!

— Обещаю, что она не узнает, откуда у меня информация. Кто эта девушка?

— Ее зовут... то есть ее звали, Дашей.

— А фамилия?

— Чего не знаю, того не знаю, мы называли ее просто Дашей.

— Она работала у Орловой?

— Совсем недолго, пару месяцев. Она пришла вместо Гали...

— Кто такая Галя?

— Повариха Орловых. Она ногу сломала, да так неудачно, что пришлось сначала одну операцию делать, потом, через некоторое время, вторую... Она боялась место потерять, ведь, как я уже сказала, платят здесь хорошо. Вот она и прислала свою знакомую, Дашу. Не знаю, где она ее взяла, только Дашка хоть и молоденькая, а здорово на кухне управлялась — она такие вещи знала, о которых Галке и невдомек!

— Например?

— Ну, про всякие там новые течения в кулинарии, какие вещества в каких продуктах содержатся, что с чем есть не стоит... Хозяйка у нас помешана на здоровом образе жизни и постоянно на диете, но, с другой стороны, мужикам-то нужно, чтобы вкусно было, понимаете? Вот Дашка как раз кстати пришлась: она знала, как накормить семью полезной пищей, чтобы все остались сыты и довольны!

Мы даже думали, что Галка прогадала, прислав в заместители Дашу, ведь она справлялась лучше нее, и хозяйке все нравилось, пока... — она неожиданно осеклась, словно испугавшись того, что собиралась сказать.

— Пока что? — спросил Белкин, как гончая, почуввав «след». — Ваша хозяйка передумала?

— Вы точно ей не расскажете? — с сомнением спросила горничная.

— Клянусь чем хотите — мне это вообще ни к чему!

— Ладно... Короче, Дашка с нашим барчуком закрутила.

— С кем?

— С сыном Орловой, вот с кем! Она же девка симпатичная... Была, в общем, а он — настоящий ловелас, девицы вокруг него тучами роились. Мать сначала на его проделки сквозь пальцы смотрела, и мы все считали, что Ромка наиграется с очередной игрушкой да и отправится дальше «охотиться»... Только вот хозяйка, видать, решила не дожидаться, пока все само рассосется.

— Почему?

— Как — почему? Сынок с прислугой загулял — а если они ребеночка заделают?! Во-первых, парень еще студент, во-вторых... Ну не пара она ему, неужели не понятно?! Он — белая кость, а Дашка — о ней вообще ничего не известно! Для Орловой, да и для хозяина, важно, кто есть кто, а кто есть Дарья? Повариха — служанка то есть!

— В наше время...

— Да какое оно «наше»-то?! — с горечью перебила Гуля. — Вот вы, к примеру, что обо мне думаете? Что приехала гастарбайтерша из ниоткуда, да? А вот и нет! Я, между прочим, в Питере родилась и выросла, и родители мои, и дед с бабкой. Да, я татарка, но местная, коренная, можно сказать, только

вот Орловым нужны другие люди, вот и приходится притворяться.

— Как притворяться? — не понял ошарашенный Белкин.

— Сказала я, что из Мамадыша приехала — когда-то мои предки и в самом деле оттуда прика- тили, лет сто пятьдесят назад!

— Вы считаете, Орлова не взяла бы вас в горнич- ные, знай она, что у вас питерская прописка?

— Ни за что не взяла бы!

— Но почему?

— Да потому, что богачам нужны люди, кото- рым некуда пойти, если что! Они думают, что толь- ко в этом случае мы будем держаться за свое место и дорожить им, а они, в свою очередь, могут делать с нами что захотят.

— Так Орлова вас обижает, что ли?

— Да нет, не обижает... Она, в сущности, тетка неплохая: даже если наорет когда, отругает, то по- том обязательно подарок подарит или премию вы- платит. Поэтому у нее люди держатся, работу ценят. У других по соседству — по-разному, а у нас так.

— Гуля, это ведь не все, что вы собирались рас- сказать, верно? — после довольно длинной паузы предположил Александр. — Есть что-то еще?

Женщина помялась, потом нерешительно кив- нула.

— Ваша хозяйка сделала что-то с Дашей? — спросил он, так как после кивка продолжения не последовало.

— Я... я кое-что видела.

— Что?

— Она дала ей денег. Вернее, предложила.

— Зачем?

— Неужели не понятно? Да чтоб сынка ее в по- кое оставила!

— И Даша согласилась?

— Хозяйка сказала, что даст миллион — *миллион*, понимаете?! Дашка сказала, что подумает, но хозяйка предупредила, чтобы не затягивала.

— Это все?

— Да.

— Гуля?

— Честное слово, это — все! Через пару дней Дашка пропала. Я решила, что она взяла деньги и ушла, как и просила хозяйка. Так как Орлова не удивилась и сразу же наняла временную кухарку через агентство, я поняла, что проблема разрешилась.

— Значит, вы с тех пор Дашу не видели?

Гуля покачала головой.

— Я думала, у нее все хорошо, — тихо сказала она. — Такую кучу денег разом огребла!

— А почему вы уверены, что она согласилась на предложение вашей хозяйки?

— Да дурой была бы, если б отказалась! Ромка-то ведь парень лихой, ветер в голове: ну, погулял бы он с ней, повозились бы, даже «залетела» бы она — и что тогда?

— Что?

— Все то же самое: хозяйка дала бы ей денег на аборт и отступные!

— А вы не допускаете мысли, что Роман мог захотеть жениться?

— Ромка? Жениться?! Да вы что, с дуба рухнули... Простите, конечно.

— Но вы же сказали, что он влюбился в Дарью!

— Влюбиться не означает жениться, понимаете? Ромка парень веселый, разбитной, спортивный — куда ему жениться? Сегодня в одну влюбился, завтра — в другую!

— Тогда почему ваша хозяйка так испугалась и предложила Дарье деньги?

— Так ясно почему — не хотела ждать, пока ситуация усугубится! Если бы Ромка заигрался и сде-

лал Дашке младенчика, пришлось бы выложить куда больше денег, а если бы не удалось уговорить ее на аборт, пришлось бы тащиться в суд и решать насчет алиментов... Так что хозяйка поспешила избавиться от проблемы, пока не поздно!

— Ладно, спасибо вам, Гуля, за информацию, — пробормотал Белкин, радуясь, что ему, пусть и случайно, удалось добыть ценные сведения.

— Не забудьте — вы обещали!

— Никто о вас не узнает, не беспокойтесь. Мне бы еще с Романом поговорить...

— А вот это у вас никак не получится!

— Это почему же?

— Потому что его услали за границу.

— Серьезно? Когда?

— Да вот сразу после того, как хозяйка с Дашкой расплатилась. Наверное, она думала, что сынок может взбрыкнуть. Или Дашке не доверяла, поэтому решила обезопаситься: Ромка поехал в какой-то немецкий университет. На полгода вроде бы... Ну, я пойду, а то меня хватятя. И не забудьте о своем обещании!

Развернувшись, горничная заторопилась прочь.

Белкин постоял немного, размышляя над услышанным, а потом решительно двинулся в том же направлении: в дальнейшем обходе домов необходимость отпала, и ему требовалось встретиться с Антоном, чтобы доложить ему о разговоре с Гулей.

* * *

Идя к реанимации, Мономах убеждал себя, что ему не следует этого делать: в конце концов, кто ему этот неизвестный парень — брат, сват, друг? Да он его видел всего один раз в жизни и еще вчера был совершенно уверен, что не увидит больше никогда!

Но слова Суламифи Кац о том, что личность пациента не установлена, отчего-то зацепили Моно-

маха, и он решил, что должен попытаться помочь. Ну, или хотя бы выяснить, есть ли подвижки в его деле — вдруг родственники нашлись и беспокоиться больше не о чем?

На стуле у дверей реанимации сидел человек в форме, и Мономах сразу понял, что сидит он там именно по поводу неизвестного.

Он намеревался проскользнуть мимо, но полицейский поднялся и заступил ему дорогу.

— Простите, вы случайно не к неизвестному пострадавшему идете? — спросил он.

Мономаху бы сказать, что нет, и идти себе дальше, но он честно ляпнул:

— Да, к нему. Хотел проведать после операции...

— Вы принимали в ней участие?

Мономах кивнул.

— Отлично, а то я хотел встретиться с доктором Кац, но она занята и, как мне сказали, не освободится еще несколько часов!

— Сомневаюсь, что смогу вам помочь...

— А вот это мы посмотрим, доктор, посмотрим! Мы можем где-то поговорить? Ну, в смысле, где не так холодно?

Полицейский поежился, хотя и был в полном обмундировании.

— Сначала, если не возражаете, я хотел бы сделать то, зачем пришел, — сказал Мономах.

— Как я могу возражать? — пожал плечами служитель закона. — Только парень ведь все еще без сознания... Но вам виднее, вы же врач! — И он освободил проход, пропуская Мономаха к дверям.

Поговорив с реанимационной медсестрой, Мономах выяснил все, что хотел: состояние пациента стабильно тяжелое, изменений нет. Его держат на обезболивающих и седативных ввиду серьезных травм, и в ближайшие пару суток он, скорее всего,

в себя не придет. Что на самом деле неплохо, так как в его положении отсутствие сознания скорее плюс, нежели минус.

Поглядев некоторое время на неподвижного, закутанного в бинты, словно египетская мумия, парня, Мономах оценил правоту сестрички и покинул палату реанимации.

У него имелась слабая надежда, что полицейский передумал с ним беседовать и ушел, но тот по-прежнему сидел на стуле, сторожа выход.

— Ну, как впечатление? — поинтересовался он, поднимаясь навстречу Мономаху.

— Все в пределах нормы, — ответил тот.

— Скажите, есть ли шанс, что пациент скоро очнется? А если очнется, то сможет ли рассказать, что с ним произошло?

— О том, есть ли повреждения мозга, пока рано судить — нужно время. А зачем вам его показания, разве вы не знаете, что случилось?

— Давайте проясним ситуацию... как мне вас называть?

— Владимир Всеволодович Князев, заведующий отделением ТОН.

— Каким-каким отделением? — переспросил полицейский.

— Специализированным травматолого-ортопедическо-нейрохирургическим, сокращенно — ТОН, — пояснил Мономах.

— А я — сержант Котов, Иван Леонидович.

— Вы ведь не из ГИБДД, верно, Иван Леонидович? Форма не та.

— Вы совершенно правы, Владимир Всеволодович, я — дознаватель. Коллеги из ГИБДД передали мне дело, поняв, что оно, скорее всего, не так просто, как казалось.

— То есть вы должны установить, имел ли место несчастный случай или что-то еще?

— Точно. Есть здесь тихий уголок, где можно выпить кофе? Ну, хоть чего-нибудь горячего?

— Пойдемте в кафетерий, — предложил Мономах, помимо собственной воли ощущая привычное возбуждение оттого, что в деле неизвестного что-то нечисто. — Там сейчас мало народу!

— Отличная мысль! — обрадовался дознаватель. — После вас, док!

Когда они устроились в кафетерии, где, как и предсказывал Мономах, людей было кот наплакал, беседа возобновилась.

— Так почему же в ГИБДД решили, что по делу необходим дознаватель? — спросил Мономах, дав собеседнику минут пять, чтобы насладиться хоть и не лучшего качества, но все же горячим кофе.

— Вы в курсе, где обнаружили потерпевшего, Владимир Всеволодович?

Тот покачал головой.

— Честно говоря, я о нем вообще ничего не знаю — ну, кроме того, что его имя неизвестно.

— Ясно. Дело в том, что нашли паренька в районе поселка Вартемяги. Знаете, где это?

— Под Всеволожском?

— Точно, от Питера примерно в тридцати километрах.

— Так, может, он и сам оттуда?

— А вот и нет: во всяком случае, ни в Вартемягах, ни во Всеволожске никто не заявлял о пропаже такого человека! Но проблема не в этом, а в том, что я посетил место, где его, по словам тех, кто позвонил в полицию, сбита машина.

— И что?

— А то, что, во-первых, он почему-то оказался не у самой дороги, а довольно далеко от нее, в подлеске...

— Ну и что — может, дополз?

— В сторону, противоположную той, где его могли легко обнаружить? — скептически поднял бровь дознаватель.

— Он же был в состоянии замутненного сознания — от боли, от удара, и не соображал, что делает!

— Может, оно, конечно, и так, но коллеги из ГИБДД не обнаружили следов экстренного торможения, хотя прочесали дорогу в обе стороны почти на километр!

— А что, если водитель и не тормозил? — предположил Мономах. — Разве вы с таким не сталкивались: испугался, решил, что его никто не видел, а значит, удастся избежать наказания?

— А как насчет следов крови?

— А что с ними?

— Никаких следов нет: все чисто! Врачи скорой утверждают, что потерпевший был весь в крови, когда его доставили в вашу больницу!

— Да, у него были открытые переломы берцовой и лучевой костей... — пробормотал Мономах. — Дождь смыл?

— Так не было в том районе дождя в сутки, когда случилось происшествие!

Мономах не мог не восхититься дотошностью людей, разбиравших ДТП: подобной тщательности трудно ожидать от работников ГИБДД, особенно если пострадавший не является известной личностью и СМИ не поднимают гвалта!

— Хорошо, — сказал Мономах, понимая, что у него закончились аргументы. — Как вам видится случившееся?

— Я ничего не могу утверждать, но, сдается мне, дело было так: потерпевшего привезли на машине и выкинули, возможно — бросили в подлеске, надеясь, что он мертв. То, что авария имела место, неоспоримо: ваша доктор Кац однозначно на это

указала, но только вот произошла она вовсе не там, где обнаружили те... извиняюсь, жертву.

— Очень странно! — пробормотал Мономах.

— Понимаете теперь, как важно, чтобы парень заговорил?

— Естественно!

— Вы дадите мне знать, если в его состоянии произойдут изменения?

— Почему вы просите об этом меня, ведь его принимала доктор Кац, а его лечащий врач...

— Видите ли, лечащий врач не видел, как привезли пациента, и у меня создалось впечатление, что доктор Кац, как бы это помягче выразиться, недолюбливает органы следствия.

— Вы неправильно поняли! — поспешил на выручку коллеге Мономах. — Просто Суламифь Моисеевна ставит интересы пациентов выше других, ей кажется, что их требуется защищать от любых внешних воздействий, включая родственников.

— Кстати, о родственниках! — словно внезапно озаренный новой идеей, хлопнул себя по лбу ладонью Котов.

— Что, нашлись?

— Да нет, в том-то и дело! Но если вдруг они явятся, не могли бы вы сразу же меня известить? Вот мои телефоны, — и дознаватель протянул Мономаху карточку с номерами.

Когда Мономах вышел из здания больницы, дождь лил как из ведра — первый настоящий ливень в этом году!

Машину он оставил около магазина на другой стороне: начальство наконец решило заасфальтировать «лысое», разбитое тысячами колес покрытие стоянки, поэтому персоналу было предложено подыскать временное пристанище для своих «железных коней».

Чертыхнувшись при мысли, что придется целых двести метров бежать под струями ледяного душа

с неба, Мономах приподнял воротник пальто и рысью припустил к дороге.

Перебежав ее (в совершенно неподобающем месте, надо сказать, так как «зебра», вопреки здравому смыслу, находилась не напротив входа в медицинское учреждение, а в нескольких десятках метров слева), он уперся в киоск, торговавший блинами, компотом и киселем. Он был популярен у пациентов, которые, пресытившись скудным больничным питанием, прибегали к нему подхарчиться чем-то, помимо жидких супов и каш, подаваемых в столовке.

Рядом с ларьком, тщетно пытаясь спрятаться под его козырьком, стоял абсолютно мокрый дядька неопределенного возраста. Красная физиономия, заплавленные глаза и набухшие брыли красноречиво говорили о злоупотреблении алкоголем. О том же свидетельствовал и характерный запах, исходивший от дядьки.

Мономах уже намеревался, миновав его, бежать к машине, как вдруг услышал:

— Мужик, купи птичку, а? Недорого!

Какую еще птичку? И тут Мономах заметил, что у ног пьянчужки стоит клетка, а в ней сидит некое существо — по-видимому, действительно пернатое. Только вот определить, к какому семейству относится данный вид, не представлялось возможным: очевидным было лишь то, что он крупный, а клетка слишком мала, и птице приходилось пригибать голову, чтобы не упереться в верхние прутья.

Ворона? Нет, слишком уж большая. Может, ворон? Да нет, клюв не похож...

Само собой, Мономах не имел намерения покупать птицу, да и не умел он с ними обращаться, но тут вдруг он поймал взгляд — человеческий взгляд, в котором читались одновременно безнадега и немая просьба.

Мономах знал, что собаки, кошки и лошади умеют так смотреть, но чтобы птица — это нечто новенькое и абсолютно неожиданное!

Пернатый смотрел на него исподлобья, выгнув шею, так как не мог поднять голову из-за чересчур низкого потолка клетки. У него была странная голова, будто бы поросшая волосами — вернее, было похоже, как будто ему на макушку какой-то шутник нахлобучил кудрявый парик. Из-под этой самой «шевелюры» на Мономаха и глядел яркий, круглый, внимательный глаз.

— Купи-и пти-ичку, мужи-ик! — заканючил дядька, переминаясь с ноги на ногу. Вода лилась с него потоком, как и с несчастного существа в клетке. — Холодно тут стоять, честно! Мне бы чего горячего выпить...

«Ага, — подумал Мономах, — в смысле — горячительного!»

Птица не сводила с него взгляда, и он, к собственному удивлению, спросил:

— Сколько стоит?

— Всего десять штук! Птица редкая, нигде за такие бабки не купишь, зуб даю!

Мономах сунул руку в нагрудный карман и нашупал одну-единственную бумажку в пять тысяч. До зарплаты еще два дня, но есть же кредитная карта...

Да на кой ему сдалась эта курица?!

— У меня только пять, — брякнул он.

— По рукам! — радостно взвизгнул дядька и ногой пододвинул клетку поближе к Мономаху.

Следовало просто уйти, ведь он ничего не должен ни этому пьянчужке, ни его странному питомцу, но Мономах почему-то покорно отдал купюру, поднял клетку (кстати, птичка оказалась чертовски тяжелой!) и зашагал к автомобилю, спрашивая себя, за каким лешим он так поступил.

С трудом погрузив клетку на заднее сиденье, он оглянулся: мужика и след простыл! Наверное, рванул в ближайшее питейное заведение: пяти тысяч вполне хватит, чтобы весело провести оставшееся от вечера время, и на завтрашний опохмел.

Интересно, что за диво дивное он приобрел?

Похоже, по дороге домой придется заехать в ветеринарку: если повезет, удастся оставить им пернатого, а уж они сумеют пристроить его либо в хорошие руки, либо в зоопарк... ну, или куда там обычно пристраивают птиц? Вот уж правильно говорят — не было печали!

Тяжело вздохнув, Мономах повернул ключ в зажигании.

Подняв голову, он поймал в зеркале пристальный, тревожный взгляд исподлобья.

* * *

— Ну что, у нас есть подозреваемый? — спросил Белкин, лучась довольством.

Алле жаль было разочаровывать парня, но это сделал за нее Дамир, задав встречный вопрос:

— Подозреваемый в чем?

— Как это — в чем? — растерялся молодой опер. — Алла Гурьевна, неужели вас не удивляет, что Орлова открестилась от поварихи?! Если ни она, ни ее сынок не имеют отношения к ее смерти, то почему она врала?

— Это и в самом деле интересно...

— Да ничего удивительного! — перебил Аллу Антон. — Ну не хочется ей быть причастной к неприятному событию — разве трудно понять? Боялась, что всплывет имя сына, вот и притворилась, что знать не знает девицу! Как вам такая версия, Алла Гурьевна?

— Вполне! Кроме того, Александр, ну не можем мы просто заявиться к Орловой и уличить ее во лжи!

Ваша горничная вполне определенно показала, что Орлова предложила Дарье деньги, и та, возможно, согласилась. Если они сумели договориться полюбовно, зачем убивать? И потом, я себе слабо представляю, что хрупкая балерина средних лет легко справилась с молодой, здоровой девушкой, сломав ей шею!

— Так что, мы ничего не станем делать?

— Ну почему же ничего, — пожала плечами Алла. — Вы получили информацию, Александр, вам и разгрести последствия!

— Как это?

— Горничная, кажется, упомянула некую Галину, которая работала у Орловой?

Парень непонимающе кивнул.

— И эта самая Галина, — продолжала Алла, — должна неплохо знать покойницу, так? Ну, раз она ее рекомендовала на свое место?

— Вы хотите, чтобы я встретился с Галиной?

Белкин просиял: надо же, ему так редко дают самостоятельные задания — и вот он, звездный час!

— Вы все правильно поняли, — сдерживая улыбку, ответила Алла. — Поговорите с ней: вдруг Даша рассказывала ей о своих отношениях с сыном Орловой? Может, ей известно больше, чем горничной, — в частности, получала ли девочка деньги от хозяйки, и не поступало ли ей угроз со стороны оной.

— Можно прямо сейчас отправляться? — радостно спросил Белкин.

Алла кивнула, и парень выскочил за дверь так быстро, словно опаздывал на поезд.

— Алла Гурьевна, зря вы его поощряете! — неодобрительно щелкнул языком Дамир.

— Ничего-ничего, — усмехнулся Антон. — Пусть поцокает копытцами — вреда не будет! В конце концов, надо же и ему когда-то опыта набираться!

* * *

— Владимир Всеволодович, какими судьбами?!

Таковыми словами поприветствовала Мономаха Кац, когда он заскочил в ее крошечный кабинет в конце рабочего дня, почти уверенный, что нейрохирург еще на месте.

Так оно и вышло.

— Да вот, Суламифь Моисеевна, зашел поинтересоваться, как там наш неизвестный пациент — есть улучшения?

Пожилая врач устремила на него внимательный взгляд совершенно молодых глаз.

— Вы говорили со следователем? — скорее констатировала, нежели спросила она спустя несколько мгновений.

— Пока только с дознавателем. А почему вы спрашиваете?

— Не нравятся мне эти люди, коллега, ох как не нравятся!

— Какие люди?

— Люди в форме. Умом понимаю, что они делают свою работу, но...

— Суламифь Моисеевна, я правильно понимаю, что новости есть?

— Есть, Владимир Всеволодович. Я все равно известила бы вас, только хотела погодить маленько, ведь мальчик так напуган...

— Он пришел в себя?!

Кац коротко кивнула.

— Он рассказал, что произошло?

— Нет.

— Почему?

— Потому что он ничего не помнит.

— В смысле — совсем ничего?

— Даже своего имени. Надеюсь, это последствия шока, а не нашего вмешательства, ведь мозг — ма-

терия сложная и непредсказуемая! Теперь понимаете, почему я не хотела раньше времени связываться с тем парнем, как там его...

— Сержантом Котовым.

— Точно. Он станет давить на мальчика, а у него сейчас полно других проблем: надо, чтобы кости срослись правильно, чтобы память возвращалась постепенно, без насилия!

— Что ж, Суламифь Моисеевна, можете на меня рассчитывать: сам я не стану звонить Котову — в конце концов, я не обязан! Если вы сочтете, что парень готов, просто скажите мне: раз вы не желаете разговаривать с человеком в форме, это сделаю я. Вы должны понимать, что у пациента наверняка есть родственники, и они должны знать, что с ним случилось — в конце концов, ему нужен серьезный уход, а также дорогостоящие медикаменты, которых у нас может не оказаться!

— У нас бесплатная медицина, Владимир Всеволодович, помните?

— Я-то помню, вот только чиновники из Министерства и Комитета по здравоохранению...

— Ладно, ладно, коллега, я вовсе не пытаюсь вас ни в чем обвинить! — со вздохом перебила Мономаха нейрохирург. — Сама понимаю, что мальчику нужна рядом родная душа, поэтому обещаю: как только он что-то вспомнит, я тут же дам вам знать!

— Есть и другие варианты, Суламифь Моисеевна.

— Вы о чем?

— Если амнезия пациента окажется долговременной или необратимой, можно сообщить Котову, и он сделает так, что парня покажут по телевизору. Его увидит весь город, а то и вся страна, и рано или поздно найдутся его друзья или родственники.

— Верно, верно, — закивала Суламифь. — Только не следует торопиться: дайте нам немного времени!

— Хорошо, я же обещал. Но и вы обещали, что...
— Непременно, Владимир Всеволодович, непременно: в конце концов, мы с вами оба печемся об одном и том же — о благе пациента!

* * *

Галина Горбатова долго не открывала дверь, а потом в коридоре раздались шаркающие шаги, и Белкин вспомнил, что кухарка сломала ногу и, скорее всего, не может быстро передвигаться.

Белкин ожидал увидеть пожилую бабищу необъятных размеров — именно такой, по его мнению, должна быть повариха Орловой. Однако Горбатова оказалась маленькой, сухонькой женщиной чуть за сорок.

Она не удивилась, узнав, зачем он пришел: выяснилось, что ей накануне позвонила Гуля и предупредила о возможном визите людей из органов.

— Поверить не могу, что Даша умерла! — бормотала она, медленно двигаясь впереди Белкина по узкой «кишке» коридора, ведущего в гостиную. — В голове не укладывается!

Уютная гостиная многое рассказывала о своей хозяйке.

Горбатова — определенно аккуратистка, даже несмотря на травму, умудряющаяся регулярно стирать пыль с мебели и пылесосить ковер!

— Насколько близко вы знали Дашу? — поинтересовался Александр, когда они уселись в глубокие кресла, стоявшие по обе стороны от низкого журнального столика, заваленного рукоделием: видимо, Галина таким образом развлекала себя во время вынужденного безделья.

— Честно говоря, мы были не так уж близки, — вздохнула она.

— Но вы же порекомендовали ее на свое место в дом Орловой!

— Верно, порекомендовала. Я видела, что она любит и умеет готовить, поэтому, когда со мной стряслась беда, я решила, что это будет меньшим из двух зол: любая другая «подсидела» бы меня, и я могла лишиться работы, а Даша не стала бы этого делать.

— Почему вы так уверены?

— Она не собиралась вкалывать на чужих людей! Ей хотелось чего-то добиться в жизни. Она окончила кулинарный колледж, и работу в доме Орловой рассматривала только как необходимый опыт.

— Чтобы потом устроиться в ресторан или кафе?

— Даша мечтала заняться кейтерингом.

— Чем-чем, простите?

— Хотела организовать торговлю блюдами на вынос. Знаете, во многих частных компаниях нет буфетов, а начальство хочет, чтобы народ не отрывался от работы надолго, ища место для перекуса в обеденный перерыв. Вот они и нанимают кейтеринговые фирмы, которые готовят и развозят еду заказчикам. Это дешевле, чем каждый раз заказывать еду из ресторанов, кроме того, можно договориться об особом меню в зависимости от предпочтений сотрудников — к примеру, они вегетарианцы или предпочитают рыбу мясу. А еще богатые люди, вроде Орловых, часто устраивают праздники, вечеринки и приемы, и тогда им, опять же, требуются те, кто обеспечит еду и обслуживание.

— Разве у Даши были деньги на то, чтобы начать свое дело?

— Похоже, да. Во всяком случае, она говорила, что ей осталось подкопить совсем немного, и что у нее есть партнер, согласный вложиться.

— Послушайте, Галина, вы сказали, что недавно познакомились с Дашей...

— Нет, я не так сказала, — перебила собеседница. — Я сказала, что не очень хорошо ее знаю,

а знакомы мы с тех пор, как она поступила в кулинарный колледж. Я там преподавала кулинарию. Когда со мной случилась эта беда, — она кивнула на ногу в эластичном гипсе, — я сразу позвонила ей. Мне требовался человек, который не осрамит меня и одновременно не захочет «отжать» место! Даша ухватилась за предложение обеими руками: она работала в кондитерской и не видела для себя никаких перспектив. Даже несколько месяцев у Орловой и Саблина могли значительно пополнить ее бюджет, а также она надеялась на полезные знакомства в среде людей, общаться с которыми в обычной ситуации ей бы никогда не пришлось, понимаете? И еще Даше очень понравился тот факт, что придется жить в поместье, потому что у нее были проблемы с жильем...

— Какие? — перебил Белкин. — Она приезжая?

— Даша детдомовская. Обычно в наш колледж таких, как она, по квоте проталкивают, но Даша поступила честно, с хорошими оценками.

— Разве детдомовцы не получают жилье после выпуска?

— Даша мало что рассказывала мне про детдом — наверное, эта тема была для нее болезной. Она ни на что не жаловалась — наоборот, была полна ожиданий. Вот, опять же, бизнес замутить пыталась...

— Вы упомянули какого-то партнера, готового вложить средства в проект Дарьи. Знаете, кто он?

Галина покачала головой.

— А что вам известно о ее отношениях с сыном Орловой?

— С Ромкой? Да что вы, какие отношения!

— Получается, Даша вам не рассказывала об их романе?

Галина выглядела озадаченной.

— Честно говоря, не представляю себе, чтобы Дашка... Да и когда она успела-то, еще и под самым носом у хозяйки?!

— Орлова строга с прислугой?

— Ну, это смотря с кем. Горничных, во всяком случае, в черном теле держит.

— Да, мне Гуля рассказывала, что она предпочитает гастарбайтеров, которым некуда податься.

— Верно, но все приходят только по рекомендации: вы представляете себе, что значит впустить в дом чужих людей, которые привыкли жить в бедности? Поэтому кого попало хозяйка не берет в прислугу!

— Но вы-то местная, я правильно понимаю?

— Правильно, но хозяйке нужна профессиональная повариха. В колледже платят мало, вот я и устроилась к Орловой, когда подвернулась возможность. Мне все нравится: она достойно платит, не третировает без причины, выходные дает. Вот, позволила замену прислать, когда со мной неприятность случилась, — кто ж знал, что все так закончится!

* * *

Мономах никак не ожидал звонка из ветлечебницы.

В интернете он нашел первое попавшееся медицинское учреждение, специализирующееся на птицах, под названием «Зеленый попугай».

Оно располагалось на Васильевском острове, и пока Мономах, матерясь и чертыхаясь, добрался туда по пробкам, оказалось, что лечебница закрыта. Не надеясь на успех, он все же принялся трезвонить в звонок у двери.

Через некоторое время ему открыла молодая девица с недовольным выражением на лице.

Увидев клетку, в которой скукожилась птица, она пробормотала:

— Господи, это еще кто?!

— Понятия не имею, — честно ответил Мономах.

Девушка оказалась медсестрой, поэтому никакой консультации дать не могла. Тем не менее она предложила Мономаху заплатить за осмотр, который произойдет завтра, когда врач будет на месте.

Он заинтересовался, нельзя ли оставить пернатого здесь, и медсестра сказала, что это возможно при условии, что он оплатит пребывание питомца по прейскуранту.

— Дорого же ты мне обходишься, а ведь мы даже не знакомы! — пробормотал он, обращаясь к птице.

Та все так же глядела на него круглыми глазами из-под кустистых, мокрых «бровей».

К счастью, здесь принимали оплату кредиткой.

И вот теперь мужской голос в трубке спрашивал, когда Мономах придет за птицей.

Честно говоря, приходиться он не собирался, хоть и подождал, пока медсестра заполнила карточку.

Краем глаза он заметил, что в графе «Порода» она записала: «Птица крупная».

— Вы оплатили всего один день пребывания, — вещал между тем голос в трубке. — Мы провели все необходимые анализы, ваш питомец абсолютно здоров, если не считать стресса...

— Стресса? — изумленно переспросил Мономах: он понятия не имел, что птицы способны испытывать стресс!

— Ну да, тут нет ничего удивительного: у представителей данного вида такие случаи не редкость!

— Какого такого «вида»?

— Гражданин, это же ваша птица, вы что, не знаете, к какому виду она принадлежит?! — возмутился собеседник. — В общем, так: жду вас сегодня в «Зеленом попугае». И постарайтесь в этот раз приехать до закрытия!

Мономах озадаченно хмыкнул, когда в трубке раздались гудки.

Надо же, какой безапелляционный кадр! Мономах предвкушал тихий вечер в компании Жука и Сархата и не планировал вновь отправляться в дальнюю даль! А на что он, собственно, рассчитывал, оставляя свое неожиданное приобретение в ветлечебнице?

Бормоча себе под нос что-то вроде «не делай добра — не получишь зла», Мономах снял халат, натянул пальто и направился к служебному лифту.

Дорога в «Зеленый попугай» заняла около часа.

Открыв дверь, Мономах немедленно был оглушен птичьими воплями: пернатые стрекотали, свистели, щелкали и просто орали, громко и истерично. Ощущение такое, будто попал в джунгли!

— Ну слава богу! — воскликнул молодой парень в белом медицинском халате, поднимаясь ему навстречу.

В кабинете, помимо него, никого не оказалось. Что, собственно, неудивительно: часы показывали без десяти восемь, а клиника закрывалась ровно в двадцать ноль-ноль!

— Извините, не смог раньше, — пробормотал Мономах.

— Все так говорят! — фыркнул ветеринар. — А у меня смена заканчивается, между прочим!

— Знаете, молодой человек, моя смена тоже не резиновая, но я не убегаю домой, если мне доставляют пациента в неурочное время! — рявкнул Мономах и тут же пожалел о своих словах: лицо паренька вытянулось.

— Так вы тоже врач? — спросил он.

— Да.

— Коллега, выходит?

Взгляд ветеринара внезапно потеплел.

Мономаху вспомнился старый анекдот.

Приходит ветеринар на прием в поликлинику.

Пожилой терапевт его спрашивает: